

библіотени городскихъ училищъ.

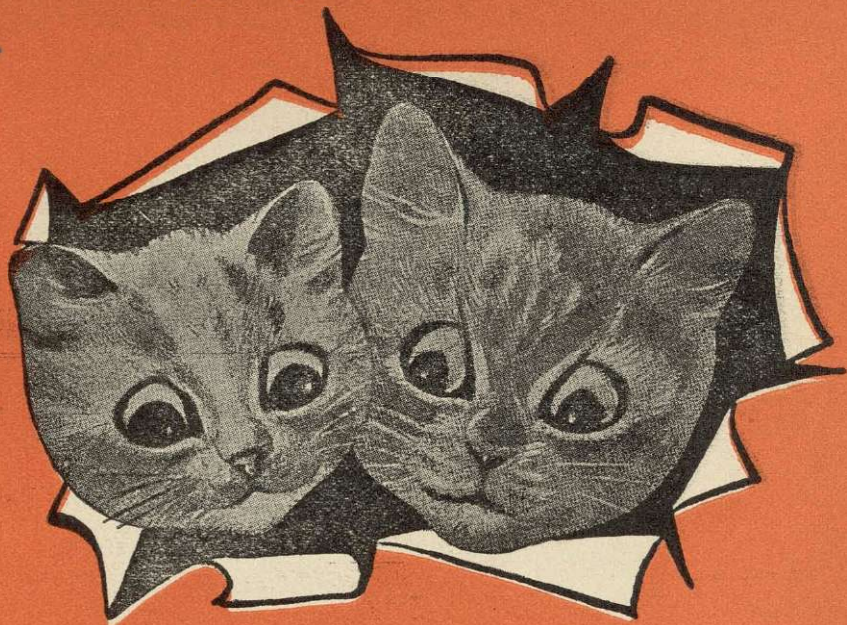
XVII $\frac{45}{10}$

Годъ изданія третій

МАЙ

№ 14

1910.

ЗОЛОТОЕ

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Издательство "Солнечные часы", С.-Петербург.

СОДЕРЖАНІЕ:

НИЧТОЖНАЯ ПРИЧИНА.
ВДАЛИ ОТЪ ГОРОДА.
ЛИЗА И ЛИЗЕТА (повѣсть),
ЖАРКО!
ГРИШКА.
ПОЧЕМУ И ПОТОМУ,
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Солнечные часы.

AM

17

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS DEPARTMENT
UNIVERSITY OF CHICAGO
5730 S. UNIVERSITY AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

PHYSICS DEPARTMENT

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Отъ Редакціи.

➡ Редакція «Золотого Дѣтства» очень проситъ г.г. подписчиковъ, выписывающихъ журналъ съ разсрочкой платежа, воспользоваться высылкой причитающагося съ нихъ взноса во избѣжаніе дальнѣйшаго перерыва въ высылкѣ или журнала. ➡

Портретъ съ Барбоски.

НИЧТОЖНАЯ ПРИЧИНА.

Ниночка прибѣжала домой. Щеки ея горѣли, русые волосы растрепались на бѣгу, глаза радостно сіяли.

— Мамочка, мама! закричала она. — Ты только подумай! — Я тоже участвую!

Мать подняла глаза отъ работы, и недовѣрчиво спросила:

— Ты? Участвуешь въ спектаклѣ?

Ниночка захлопала въ ладоши, затанцевала, запрыгала по комнатѣ и радостно заговорила:

— Ахъ, мамочка, какъ я рада! Если-бы ты только знала, какъ я ужасно рада!

И она выбѣжала вонъ изъ комнаты и ея радостный голосокъ зазвенѣлъ уже въ кухнѣ, гдѣ она рассказывала что-то кухаркѣ Варварѣ.

Мать осталась одна, работа лежала у нея на колѣняхъ, сама она глубоко задумалась, устремивъ печальный взоръ въ пространство.

— Не хорошо это... подумала она. — Не удобно какъ-то...

Ей казалось неприличнымъ участие ея дочери въ предстоящемъ спектаклѣ, въ то время какъ уже третій мѣсяць отецъ Нины былъ боленъ и лежалъ въ больницѣ. Правда, здоровье его улучшалось, но все же думы о немъ были тяжелы, и главное—горе разлуки мучило бѣдную мать.

Сначала и Нина часто грустила; но время, привычка, надежда и веселая школьная жизнь взяли свое.

Она училась легко, всѣ ее любили, а тутъ еще радостное возбужденіе отъ предстоящаго торжества и веселаго праздника.

О своихъ тяжелыхъ думахъ мать еще ничего не говорила Нинѣ, жалѣя ее. Въ глубинѣ души своей она надѣялась, что Нина сама не пожелаетъ радоваться тогда, когда отецъ такъ боленъ, что принужденъ лежать въ больницѣ. Вѣдь не могла же она не замѣтить, какъ груститъ ея мать, какъ она трудится для нихъ обоихъ и какъ ей тяжело? Но нѣтъ; Ниночка этого не замѣчала. Со свѣтлой радостью готовилась она къ спектаклю и вмѣстѣ съ подругами разучивала длинную роль. Къ тому же оказалось, что она избрана и въ число четырехъ дѣвочекъ, изображавшихъ «Времена года».

«Тяжело будетъ лишить ее этой радости», — печально подумала мать.

А все же отказаться отъ спектакля придется. Иначе не можетъ и быть!

Ей придется играть въ длинномъ бѣломъ платьѣ, украшенномъ пестрыми цвѣтами, и держать корзину цвѣтовъ и въ рукахъ.

Ну, гдѣ же бѣдной женщинѣ шить теперь бѣлое платье? Гдѣ, среди зимы, раздобыть живыхъ цвѣтовъ или сдѣлать хорошіе искусственные? Да и на что? На какія деньги?

Хотя отцу и давали еще жалованье, но зато и больница обходилась очень дорого.

Мать сберегала, экономила, работала сама, но все-таки не хватало. Къ тому-же нужно было ѣздить въ сосѣдній городъ, чтобы повидаться съ больнымъ. А гдѣ взять денегъ?

И, рѣшившись наконецъ, мать кликнула къ себѣ Нину, которая все еще смѣялась и болтала съ кухаркой.

— Нина! сказала она и посмотрѣла дѣвочкѣ прямо въ глаза.— Докажи, что ты мнѣ другъ и умѣешь понимать меня.

— А что? спросила Нина.

— Я должна отказать тебѣ въ удовольствіи; мнѣ не на что сшить тебѣ бѣлое платье.

Точно грозовая туча прошла вдругъ тѣнью по лицу Нины; темные глаза ея мгновенно налились слезами и дрожавшимъ голосомъ она проговорила:

— Какъ?! не будетъ бѣлаго платья?.. Вѣдь безъ него нельзя!..

— Что-же дѣлать? съ грустью сказала мать.

Если бы Ниночка вслушалась въ голосъ мамы, то она поняла бы сразу все. Но она была чужда всякому горю. Только ея личное несчастье, ея потерянное удовольствіе жгло ея маленькое сердце.

Отказать себѣ въ томъ, чему она такъ радовалась! Какъ это возможно?.. И она стала горько плакать.

— Мамочка! — всхлипывала она:

Пожалѣй меня! Вѣдь, если ты захочешь, то тебѣ все возможно! Сдѣлай для меня это удовольствіе!

Она бросилась къ матери на шею и стала смотрѣть на нее умоляющими, мокрыми отъ слезъ, глазами. Это сдѣлало маму еще тверже и строже.

— Нина, сказала она въ удивленіи,— что это значитъ? Отецъ въ больницѣ, молча сноситъ свои страданія, мы здѣсь однѣ, едва сводимъ концы съ концами, а ты не можешь потерпѣть?

Но Нина упрямо твердила:

— Но почему же? Вѣдь и ты можешь мнѣ уступить! Почему я не могу быть такою-же, какъ и мои подружки?

— Да вотъ почему, твердо и спокойно отвѣтила ей мать. — У меня сейчасъ нѣтъ денегъ!

И она раскрыла передъ Ниной всю свою жизнь, полную лишений и отказовъ во всякой мелочи, во всякомъ желаніи, полную труда и заботъ.

— Это ужасно!.. воскликнула дѣвочка, это ужасно!—И зачѣмъ мы бѣдны! И почему именно мы?!

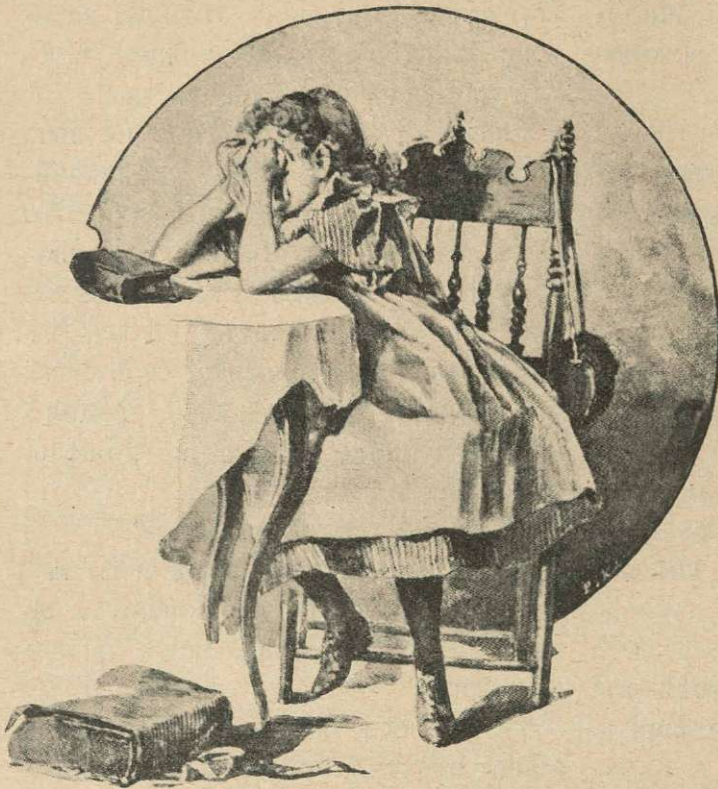
Но если Нина не хотѣла понимать того, что говорила ей мать, то все равно ее трудно было-бы убѣдить другимъ. Поэтому мать скрѣпила свое сердце и сухо сказала:

— Я больше не желаю съ тобой разговаривать. Иди теперь учи свои уроки. Бѣлаго платья не будетъ!

Нина, надувшись, ушла.

Усѣвшись за уроки, она положила голову на локти и стала рыдать. Не-

«Она положила голову на локти и стала рыдать...»

ужели она останется безъ платья? Всѣ ея подружки такъ ей завидовали. Ее выбрали играть одно изъ «Время года», это было для нея отличіемъ и большою честью. И бѣлое платье, вѣнокъ цвѣтовъ на головѣ, и цвѣты по всему платью, — это такъ-бы къ ней шло!..

И она думала о предстоящемъ спектаклѣ и то успокаивалась, то снова принималась горько плакать. Обѣдъ и ужинъ показались ей невкусными и, проглотивъ двѣ-три ложки, она отказывалась дальше ѣсть. Упрямая и печальная сидѣла она противъ матери и такую же ушла къ себѣ въ спальню и легла въ по-

стель. Едва слышно пробормотала она: «Спокойной ночи».

И долго, долго лежала она безъ сна, все время всхлипывая и вздыхая.

Около полуночи усталая мать, сложивъ работу, пошла спать и, войдя въ спальню, застала Нину не спящей и всю въ слезахъ.

Она грустно посмотрѣла на дочь.

— Послушай, Нина, сказала она, — неужели ты согласилась бы теперь принять отъ меня это платье, когда ты знаешь, какъ тяжело мнѣ это сдѣлать?

Ниночка всхлипнула и отвѣчала:

— Мама, купи!.. купимнѣ...

купи!—

Блѣдное лицо мамы стало еще печальнѣе.

— Хорошо, сказала она:— платье будетъ сдѣлано. А теперь спи!

Строго и горько прозвучали ея слова; ни поцѣлуя, ни ласки, ни добраго взгляда.

Она отстранилась отъ дочери и легла въ постель.

Наступилъ канунъ праздника и красивое бѣлое платье, фіалки и гирлянды подснежниковъ лежали уже готовыми для Нины. Потративъ на это свои послѣднія деньги и немало трудовъ, мать сама сшила это платье и сама надѣлала цвѣтовъ.

Стихи, интонація и манеры были разучены Ниной безукоризненно. За все это время она часто волновалась и съ трепетомъ готовилась къ своей роли. Ея мама не была уже такъ ласкова съ ней, какъ прежде; она была серьезна и печальна и иногда такъ чуждо-чуждо стотрѣла на свою дочь. Но завтра она уже порадуетя: завтра она увидитъ свою Нину на маленькой эстрадѣ и услышитъ, какъ славно она скажетъ свои стихи.

Предстояла еще одна послѣдняя репетиція у той дамы, дочь которой должна была изображать собою роскошное «Лѣто».

— Развѣ ужъ такъ необходимо идти туда еще разъ? спросила мать.

Нина отвѣтила, что это крайне нужно и что черезъ часъ она уже будетъ дома.

И она побѣжала на репетицію.

Часъ спустя, она уже возвратилась къ себѣ домой, но, къ удивленію матери, въ слезахъ.

— Что съ тобою?—спросила ее мать.—Что случилось? О чемъ ты плачешь?

Но Нина сквозь слезы разсмѣялась:

— Что-то попало мнѣ въ глазъ, отвѣтила она.—Должно быть соринка... Будь добра, мамочка, посмотри мнѣ, что тамъ такое?

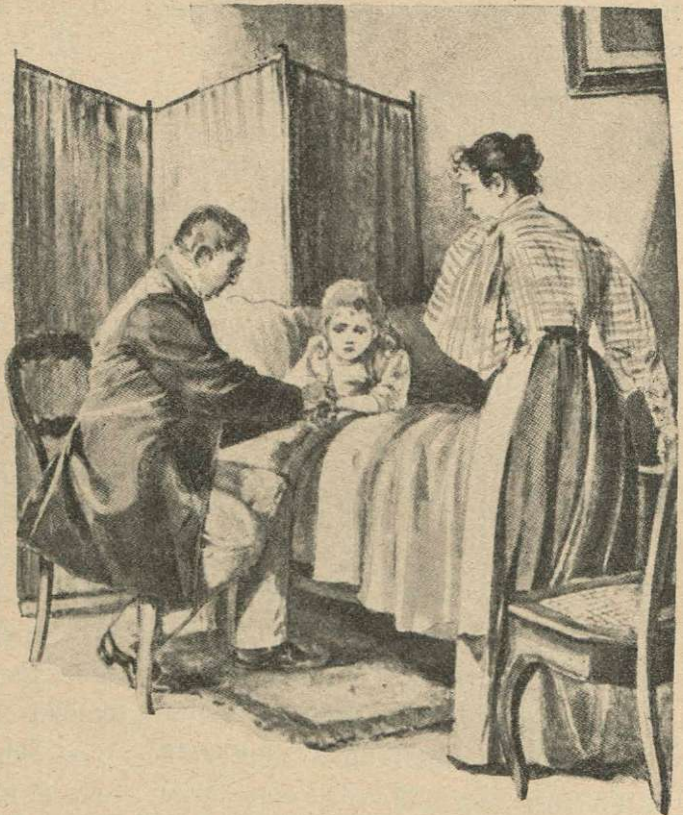
Мать осторожно оттянула

сперва нижнее, потомъ верхнее вѣко, но нигдѣ не нашла и признака соринки.

— Такъ, значитъ, она уже вышла, сказала Нина равнодушно.—Только давить немного и слезы текутъ.

Мать еще разъ осмотрѣла глазъ, но ничего не нашла.

Нина была очень озабочена, хотя не хотѣла подать въ этомъ вида. Глазъ ея распухъ и сильно слезился. Безшумно раздѣлась она, прошептала молитвы и тихо, какъ мышка, юркнула подъ одѣяло. Она боялась открыть мамѣ, какъ сильно болѣлъ теперь глазъ, и боль ухудшалась съ каждой минутой.

— Вотъ оны! сказали докторъ и засмѣялся.

Вѣдь мама испугается, скажетъ еще, пожалуй, что ей нельзя присутствовать завтра на праздникѣ, и пошлетъ за докторомъ; а до тѣхъ поръ боль уже сто разъ успѣетъ пройти!

И успокоивъ себя такимъ образомъ, Нина заснула, несмотря на начавшуюся боль. Но сонъ ея былъ неспокоенъ. Мать не разъ слышала ея болѣзненные стоны и, подходя къ ней, мѣняла ей на глазу примочку. Подойдя въ послѣдній разъ, она съ ужасомъ замѣтила, какъ горѣло лицо Нины. Вся правая сторона распухла. Но дѣвочка спала и будучи очень усталой, мама тоже вскорѣ уснула.

Среди ночи Нина проснулась, сѣла на кровати и долго не могла понять, что съ нею.

Ея лицо, голова, все было, какъ чужое.

Она хотѣла открыть глазъ, но не смогла; что-то тяжелое лежало на немъ, текли слезы и лобъ горѣлъ, какъ въ огнѣ... Ей сдѣлалось страшно.

— Мама, мама, залепетала она, милая,... хорошая, мамочка! Проснись! Вынь мнѣ камень изъ глаза!

Мать проснулась, накинула на себя кофточку и быстро подошла къ ея кроваткѣ.

При слабомъ свѣтѣ ночника она увидѣла, что лѣвый глазъ распухъ еще больше, чѣмъ съ вечера.

— Нѣтъ сомнѣнья, сказала она.

— Что «нѣтъ сомнѣнья»? спросила съ ужасомъ дѣвочка.

— Въ глазу что-то есть, отвѣтила

мать.—Это и вызвало такое воспаление! Придется звать доктора..

Заботливо и осторожно она осмотрѣла глазъ еще разъ.

— Ахъ, если бы сейчасъ уже было утро!—простонала дѣвочка.

Какъ длинна, какъ безутѣшно длинна показалась Нинѣ такая мучительная ночь!

Она не могла больше уснуть и ей казалось, что эта ночь никогда не кончится и будетъ продолжаться вѣчно.

Забытъ былъ праздникъ, бѣлое платьѣ, цвѣты и представленіе, забыто было все. Только боль, одна боль теперь давала себя знать и наполняла собою все существованіе Нины.

О, если бы эта боль прошла!

Теперь Нинѣ казалось, что камень все глубже и глубже врѣзается ей въ самый глазъ, что она слѣпнетъ. И она молилась:

— Милый Боженька, помоги мнѣ! Вынь мнѣ камень изъ глаза!

На другой день докторъ, какъ нарочно, могъ пріѣхать только къ 11-ти часамъ.

— Однако и воспаление у васъ! сказалъ онъ:—вѣроятно глубоко подъ верхней вѣлкой лежитъ что-нибудь. Сейчасъ мы посмотримъ.

И такъ же нѣжно, какъ и мама, онъ приподнялъ ей вѣко, досталъ изъ сумочки тонкія щипчики, и улыбнулся.

— Дѣйствительно, тамъ лежитъ цѣлый камень, сказалъ онъ. Мы сейчасъ его вытащимъ.

И съ этими словами, онъ ловко поймалъ его щипчиками и положилъ Ниночкѣ на ладонь.

Это было что-то такое маленькое, ничтожное, почти невидимое, величиною менѣе булавочной головки, похожее на песчинку.

— Вотъ онъ!—сказалъ докторъ и засмѣялся. Вотъ этотъ камень!

Ниночка и мама вскрикнули въ одинъ голосъ:—Какъ? только это?!

Нина вздохнула глубоко и легко. Сразу ей стало вдругъ легче и боль прекратилась совсѣмъ.

— Да, отвѣтилъ докторъ,— только это и было причиной всего! Часто и въ жизни человѣка самыя крохотныя причины влекутъ за собою огромныя послѣдствія.

— А какъ было больно! воскликнула Нина.—Казалось, что туда попалъ цѣлой камень величиною съ арбузъ!

— Въ томъ-то и дѣло, засмѣялся докторъ.—А теперь, милая барышня, вашъ глазокъ долженъ отдохнуть по крайней мѣрѣ сутокъ двое и все пройдетъ.

— А какъ-же сегодняшній спектакль? встревожилась Нина.

— Спектакль?! удивился докторъ,— Ну, съ такой нѣжной вещью, какъ глазъ, шутки плохи!..

Безъ возраженія Нина должна была согласиться и смолчать. Мама даже удивилась ея безропотной покорности; ея Нина больше не плакала и не жаловалась. Тихо, грустно и задумчиво лежала она теперь въ своей

постелькѣ. А когда мама присѣла къ ней, чтобы ее утѣшить, то она сконфуженно обвила ея шею руками и сказала:

— Прости меня, мамочка, мнѣ такъ стыдно, что я тогда была не права! Какой урокъ я получила! Какъ я раскаиваюсь въ томъ, что была упряма и зла!

А затѣмъ она глубоко-глубоко вздохнула и продолжала:

— Такъ много затѣвали, шили платьѣ, разучивали роли и дѣлали цвѣты, а вотъ какая-то ничтожная пылинка попала въ глазъ и испортила все.

Мать склонилась надъ нею и ласково поцѣловала ее въ губы, въ глаза и въ лобъ.

— Ничего, дитямое... сказала она.— Въ жизни всегда бываетъ такъ... Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Не надо только дѣлать сцены изъ-за того, чего еще нѣтъ.

А затѣмъ онѣ обѣ обнялись и такъ и просидѣли, обнявшись, цѣлые два часа.

Недѣлю спустя, мама писала къ папѣ въ больницу письмо.

— Напиши, что я стала теперь послушной, сказала ей дочь.

Мама обмокнула перо въ чернила и сдѣлала приписку: «Ниночка измѣнилась къ лучшему и стала прямо неузнаваемой. Ты ее, пожалуй, теперь и не узнаешь: она подросла и стала такою милой, нѣжной и благоразумной, какою не бывала никогда».

Вл. Вебергъ.

ВДАЛИ ОТЪ ГОРОДА.

Жужжать жуки, летаютъ мушки,
Настала милая весна,
Была гроза, кричатъ лягушки,
И зацвѣтаеъ бузина.

Теперь не страшны намъ метели
И бури сѣверной зимы:
Къ намъ птицы съ юга прилетѣли,
Ужъ цѣлый день гуляемъ мы.

Какъ хорошо и какъ привольно
Гулять по полю и въ лѣсахъ,
Какъ пѣсня жаворонка вольно
Звучитъ въ безбрежныхъ небесахъ!

Ж. С.

ЛИЗА и ЛИЗЕТА.

(Повѣсть).

(Продолженіе).

Лиза видитъ дѣвочку своихъ лѣтъ и даму съ темными волосами и съ суровымъ выраженіемъ лица.

— Это Лиза Жуковская, представляетъ ее Каштанская.

Лиза дѣлаетъ движеніе, чтобы поцѣловать Лизету, но та только покровительственно протягиваетъ ей кончики пальцевъ.

— Графиня сегодня не выйдетъ, обращается генеральша Сумцова къ Каштанской.—У нея болитъ голова и она не можетъ васъ сегодня встрѣтить. Она поручила мнѣ передать вамъ ея благодарность за то, что вы привезли сюда эту дѣвочку, и хлопотали.

— О, что это за хлопоты! отвѣчаетъ робко Каштанская.—Лиза такая милая дѣвочка, что съ нею я даже и не замѣтила, какъ пролетѣло время!

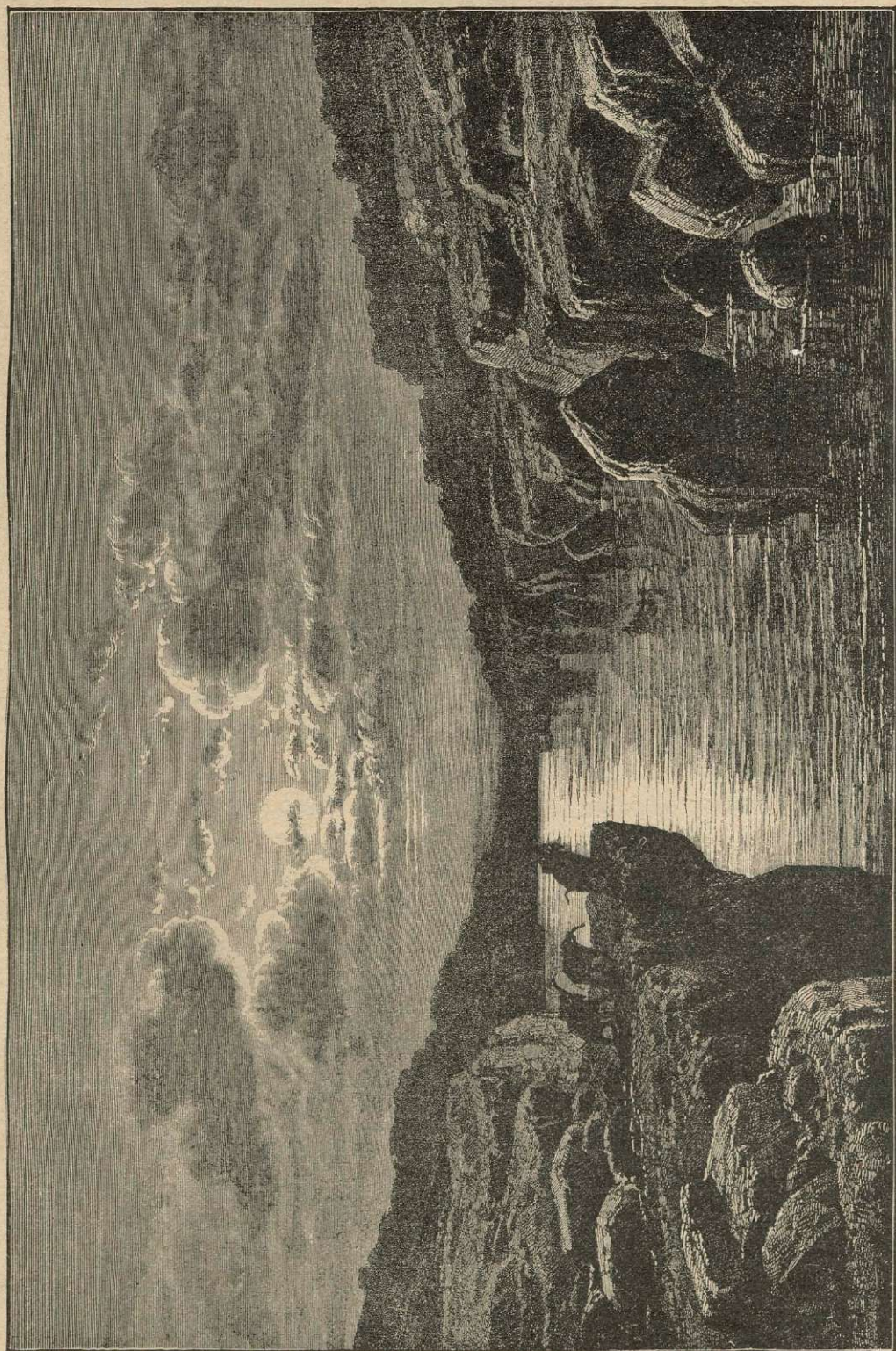
При этихъ словахъ Лизета насмѣшливо поглядѣла на мать. Лизѣ сразу какъ-то сдѣлалось скучно.

— Я попрошу у васъ позволенія, продолжала Каштанская, — отвести дѣвочку въ ея комнату... А то она вся за дорогу пропылилась... Ей надо умыться...

Генеральша позвонила. Вошла горничная.

— Катя, обратилась къ ней генеральша,—проводите барышню въ ея комнату!

Ночь въ Центральной Африкѣ.

Катя молча вышла изъ гостиной и путешественницы послѣдовали за ней. Пройдя рядъ комнатъ и корридоровъ, горничная остановилась, достала изъ кармана ключъ и отперла дверь въ просторную комнату, отдѣланную настолько богато, что Лиза какъ-то невольно почувствовала робость.

— Пожалуйте... сказала горничная.—Прикажете васъ раздѣть?

— Нѣтъ, мерси, отвѣтила Лиза и сдѣлала передъ нею реверансъ.—Я могу и сама.

Горничная вышла и пріѣзжія остались однѣ. Тогда Лиза бросилась на шею къ Каштанской и стала плакать.

— Какія здѣсь всѣ нехорошія! сказала она.—Зачѣмъ я пріѣхала сюда?..

Каштанская прижала ее къ себѣ и стала ласково отирать ей слезы.

— Ничего, дитя мое... отвѣтила она.—Все обойдется! Богъ смягчитъ ихъ сердца и все пойдетъ, какъ по маслу! Будь только такою-же доброй, какою ты была до сихъ поръ, и всѣ тебя здѣсь полюбятъ. Давай-же переодѣваться!

И онѣ развязали свои узлы и стали переодѣваться съ дороги. Но едва онѣ успѣли окончить свой туалетъ, какъ снова вошла горничная Катя.

— Графиня желаютъ видѣть барышню, важно сказала она.—Пожалуйте, я проведу васъ къ нимъ.

Лиза не безъ страха прижалась къ Каштанской. Та улыбнулась ей и повела ее къ старой графинѣ, ком-

ната которой находилась въ самомъ концѣ корридора. Входя къ ней, Лиза слышала, какъ билось ея сердце и какъ у нея стучало отъ волненія въ вискахъ.

Комната графини была велика, но казалась еще больше оттого, что была освѣщена одною только маленькой лампочкой съ зеленымъ абажуромъ.

Графиня сидѣла въ глубокомъ креслѣ, въ тѣни. Дѣвочка видѣла только ея фигуру и сѣдые волоса, выступавшіе изъ-подъ кружевной накладки, но выраженія лица ея разглядѣть не могла.

— Подойди ко мнѣ поближе, сказала сухо графиня.

Каштанская подвела дѣвочку къ самому креслу. Лиза молчала.

— Присядь бабушкѣ, шепнула она ей,—сдѣлай ей реверансъ!

Лиза сдѣлала реверансъ.

— Скажи ей «здравствуйте!» снова шепнула Каштанская.

— Здравствуйте, чуть слышно проговорила Лиза.

Графиня оглядѣла дѣвочку со всѣхъ сторонъ.

— На кого ты больше похожа, спросила она,—на папу, или на маму?

— На папу, отвѣчала Лиза.

Послѣдовало молчаніе. Старая графиня глубоко вздохнула.

— Я нездорова сегодня, дитя мое, сказала она.—Завтра я поговорю съ тобой подробнѣе и больше, а сейчасъ не могу... Иди къ себѣ въ комнату... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, графиня... отвѣтила Лиза.

— Зови меня: бабушка.

— Спокойной ночи, бабушка, повторила Лиза.

И, сдѣлавъ ей снова реверансъ, она поспѣшно направилась къ двери. Въ этой большой, полутемной комнатѣ ей было какъ-то не по себѣ.

— Какая бабушка... строгая! произнесла она, когда онѣ были уже въ корридорѣ.—Я буду ее бояться...

— Ничего, отвѣтила Каштанская,— все обойдется по хорошему! Она женщина добрая и ты скоро къ ней привыкнешь.

Онѣ направились въ столовую. Когда онѣ вошли туда, то тамъ уже сидѣлъ деревенскій батюшка, братъ Каштанской, пріѣхавшій отдохнуть въ Крымъ. Онъ былъ священникомъ въ одномъ изъ безчисленныхъ имѣній графини и теперь пріѣхалъ сюда въ отпускъ и часто приходилъ къ графинѣ.

— Ну, вотъ и вы! радостно воскликнулъ онъ и поднялся къ нимъ на встрѣчу.— Здравствуй, сестра! Здравствуй и ты, цыплетка!

Онъ обнялъ сестру, а затѣмъ взялъ Лизу и высоко приподнялъ ее съ земли.

— Какая ты славная, сказалъ онъ,—да какая хорошая!

И поцѣловавъ ее въ обѣ щеки, онъ спустилъ ее на полъ.

Тутъ же были и генеральша Сумцова съ дочерью.

— Ну, вотъ тебѣ, Лизета, и по-

друга! обратился онъ къ Лизетѣ Сумцовой.—А для насъ всѣхъ—новая радость!

Батюшка сказалъ это безъ всякой задней мысли, но его слова только вызвали снисходительную улыбку. Лизета посмотрѣла на Лизу свысока, а генеральша Сумцова оглядѣла ее съ ногъ до головы въ лорнетъ.

— Ну, надулись, какъ индюшки!.. шепнулъ онъ про нихъ сестрѣ на ухо.—И что это такое, Господи помилуй, что онѣ все дуются и дуются?

— Тссс!.. такъ-же шопотомъ отвѣтила ему сестра.

Лиза была на цѣлую голову выше Лизеты. Она была стройна и изящна; волосы у нея были свѣтлые, большіе темные глаза блестѣли и свидѣтельствовали объ открытомъ и прямомъ характерѣ; ея розовыя щеки говорили о здоровьѣ; движенія ея были свободны. Она была очень изящна въ своемъ темно-синемъ платьѣ, которое сшила ей сама мать.

Батюшка тоже оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и притянулъ вдругъ ее къ себѣ.

— Ахъ, ты моя цыплетка! воскликнулъ онъ и снова поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.—У меня тоже когда-то была такая-же дочь, да, царство ей небесное, померла.

Лизета, наоборотъ, была низенькая, неуклюжая дѣвочка съ приподнятыми плечами, рыжая, съ маленькими сѣрыми глазами и вся въ веснушкахъ. Брови у нея были рыжія, рѣсницъ почти не было видно. Она

воображала себя уже взрослой бабышкой и поэтому глядѣла на всѣхъ свысока. На ней было розовое шелковое платье, отдѣланное кружевами, и она носила золотую брошь съ жемчугомъ и браслетъ. У нея были взбиты волосы на вискахъ и это вовсе не шло къ ея дѣтскому возрасту. Но мать обожала ее и по-

— Развѣ ты меня боишься?

тому подчинялась всѣмъ ея прихотямъ и капризамъ и выполняла всѣ ея фантазіи, какъ бы онѣ ни были дики и неподходящи.

«Какая интересная моя Лизета», думала о ней мать. — «Въ ея годы я тоже была такою-же куколкой, какъ и она».

Глядя на Лизету, старая графиня иногда подсмѣивалась надъ ней въ душѣ, но старалась быть всегда съ ней ласковой и любезной съ ея матерью. Это генеральша Сумпова принимала за одобреніе и еще больше заглядывалась на свою Лизету.

Съ перваго-же взгляда Лиза поняла, что представляла собою Лизета, но она ни единымъ жестомъ, ни однимъ намекомъ не показала ей, что была образованнѣе и развитѣе ея. Лизета была лѣнива, больше интересовалась собой, чѣмъ ученьемъ, и за пять лѣтъ обученія музыкѣ играла такъ, какъ всѣ другія дѣти играютъ въ первый годъ. Всѣ усилія ея многочисленныхъ учительницъ не приводили ни къ чему: гаммы ее раздражали, упражненія она ненавидѣла и пальцы у нея ходили по клавишамъ такъ, точно были деревянные. Она скучала и за чтеніемъ запиналась, когда рассказывала своими словами, писала кошачьимъ почеркомъ и слово «менѣе» писала такъ: «мѣнеѣ». Она путалась въ таблицѣ умноженія, не могла писать диктанта, чтобы не сдѣлать въ немъ пятнадцати или двадцати грубыхъ ошибокъ и по-англійски говорила только «да» и «нѣтъ». Она выводила изъ себя всѣхъ своихъ учительницъ, которыхъ мѣняли чуть не каждый день, она такъ высокомерно относилась къ своей гувернанткѣ, что та не выживала у нея и двухъ мѣсяцевъ и уходила.

«Какія стали теперь неуживчивыя гувернантки», думала о нихъ г-жа

Сумцова. — «Ну, чего имъ еще надо?»

Во время обѣда Лизета вмѣшивалась въ разговоры старшихъ и обо всемъ говорила свободно. Она давно уже была знакома съ театрами, концертами, большими магазинами и много разъ уже каталась въ роскошномъ автомобилѣ. Слушая, какъ она иногда развязно рассказывала о чемъ-нибудь недѣтскомъ за столомъ, батюшка отецъ Юаннъ и его сестра Каштанская молча переглядывались между собой и покачивали головами. Когда-же мама осмѣливалась иногда сдержать ее, то она начинала такъ громко возражать, что г-жа Сумцова тотчасъ-же умолкала и выходило такъ, точно онѣ живутъ не въ ладу и постоянно ворчатъ другъ на дружку. Лизета была рѣзка и любила грубить.

Обѣдъ кончился и наступила ночь. Лиза не привыкла такъ поздно обѣдать и потому почти ничего не ѣла. Кромѣ того, ее пугали два лакея, обносившіе всѣхъ ѣдой, и она никакъ не могла удержать въ своей рукѣ массивныхъ серебряныхъ вилки и ножа съ графскими гербами. На салфеткахъ были вышиты такія громадныя и красивыя мѣтки, что ей было страшно вытирать губы. Затѣмъ всѣ встали изъ-за стола и стали прощаться. Священникъ и его сестра уѣхали. Горничная Катя съ важностью проводила Лизу въ ея комнату и приготовилась ее раздѣвать. Но Лиза отказалась отъ ея услугъ: она умѣла

раздѣваться сама, умѣла сама заплетать себѣ косы и сама устраивала себѣ постель.

Какъ только горничная вышла, Лиза подбѣжала къ окну, отдернула занавѣску и выглянула въ садъ.

— Поди ко мнѣ поближе! сказала сухо графиня.

Кричали цикады, стояли безмолвно темныя кипарисы, повсюду мелькали огоньки на дачахъ, разсыпанныхъ по берегу залива, и изъ-за моря восходила луна. Кругомъ темнѣли горы и откуда-то снизу, издалека доносилась военная музыка. Лиза прислушалась къ ней и вспомнила о Москвѣ.

И вдругъ ее страстно, безумно потянуло къ себѣ домой, гдѣ нѣтъ такой роскоши, какъ здѣсь, нѣтъ такой природы и такихъ лакеевъ, какъ у графини, но гдѣ все было просто и естественно и такъ правдиво, какъ правдивы были эти горы, море и луна. И ей захотѣлось увидеть свою мать, броситься къ ней, прижать ее къ своему сердцу и плакать, плакать безъ конца.

— Зачѣмъ я сюда пріѣхала? спрашивала она себя. — Неужели для насъ съ мамой такъ дорого было предложеніе графини, что мы рѣшились изъ-за него разстаться?

И сердце подсказывало ей, что она пріѣхала сюда не изъ-за этого, что для нея и для ея мамы вовсе не нужны были обѣщанія графини, а что здѣсь было что-то другое, что-то особое, что заставило ее разстаться съ матерью и такъ далеко отъ нея уѣхать.

— Но что-же это такое? спрашивала она себя. — Почему я здѣсь?

И ея сердце дало ей твердый и точный отвѣтъ на этотъ ея вопросъ:

— Ты пріѣхала сюда затѣмъ, чтобы помирить бабушку-графиню и мать.

Она успокоилась, помолилась Богу, перекрестила то мѣсто, гдѣ по ея мнѣнію должна была находиться Москва, послала матери воздушный поцѣлуй и улеглась въ постель. Кровать была такъ длинна и такъ широка, что въ ней могло помѣститься еще пять или шесть такихъ-

же Лизъ, какъ и она. Она привыкла всегда спать въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ мамой и теперь ей было страшно одной въ такой громадной спальнѣ, въ которой висѣли старинные портреты какихъ-то знатныхъ дамъ и чинно стояли пузатые диваны и чопорныя кресла. Но она зажмурилась, повернулась къ стѣнѣ и стала думать о мамѣ. Усталость сдѣлала свое и она скоро заснула.

Когда она проснулась, то было уже утро. Щебетали птицы, летавшія въ прекрасныхъ деревьяхъ, и солнце грѣло такъ, точно было уже два часа дня. Внизу, на морѣ, гудѣлъ пароходъ и легкія, какъ пухъ, облачка ползли по горамъ.

Лиза привыкла рано вставать и тотчасъ-же вскочила съ постели и одѣлась. Было семь часовъ утра. Причесавшись и окончивъ свой туалетъ, она убрала за собой постель, разложила свои вещи по ящикамъ комода и долго просидѣла на подоконникѣ, глядя на море, кипарисы и садъ.

«Какъ здѣсь хорошо»... подумала она.—«Вотъ бы сюда маму!»

И, глядя на широкое, голубое море, разстилавшееся передъ нею изъ края въ край, она задумалась. Стояли стройныя розы, всѣ въ цвѣту, цвѣли гранаты и магноліи и ласковое южное солнце въ изобиліи обливало ихъ своимъ теплымъ свѣтомъ. Она глядѣла на цвѣты и не мигала глазами. Передъ нею проносились картины ея далекой родины, гдѣ послѣ нея

остались мать, няня-Агаша и два ея друга—Тютка и Пушистка. Что-то они теперь? Скучаютъ по ней? Теперь утро... Няня Агаша теперь ставитъ самоваръ или мелеть на мельницѣ кофе. Около нея—кошка и собака. Пришелъ дворникъ Аркадій... Напился чаю и ушелъ... Затѣмъ проснулась мама и вышла въ пеньюарѣ въ кухню... Милая, милая, дорогая мама! Не видѣть тебя нѣсколько дней—вѣдь это цѣлая вѣчность! Помнишь-ли ты о своей Лизѣ, которая разсталась съ тобой только въ первый разъ за всю свою, правда, небольшую еще жизнь?

Кругомъ тихо... На дачѣ у графини всѣ еще спятъ. Можно подумать, что это заколдованный замокъ спящей царевны. Но вотъ вышелъ садовникъ и изъ пожарной кишки полилъ садъ. Вотъ гдѣ-то внизу хлопнули дверью, а вотъ ужъ въ корридорѣ раздались и чьи-то шаги... Лиза соскочила съ подоконника, быстро отворила дверь и выглянула въ корридоръ. Тамъ, со щеткой изъ перьевъ въ рукѣ, горничная Катя приготавливалась заняться утренней уборкой. Увидѣвъ Лизу, она сдѣлала удивленное лицо и воскликнула:

— Барышня уже встала и одѣта? Вотъ ранняя птичка! Ну, барышня Лизета тѣ любятъ поспать!

— Я привыкла вставать рано, отвѣтила Лиза.—Здравствуйте, Катя!

И по привычкѣ цѣловать каждое утро свою няню Агашу, Лиза пошла къ ней и просто обняла ее

за шею и поцѣловала въ щеку. Горничная смутилась.

— Да, что вы, что вы, барышня?.. Развѣ это можно?

— Что можно? испугалась Лиза.

— Да вотъ это!.. Вѣдь я горничная!..

И, кинувъ въ сторону свою щетку изъ перьевъ, Катя въ порывѣ благодарности въ свою очередь бросилась къ Лизѣ, обняла ее, поцѣловала ее въ плечо, а потомъ она оглядѣлась по сторонамъ и убѣдившись, что никто не глядитъ, горячо поцѣловала Лизу въ щеку. И Лизѣ показалось, что у нея на глазахъ заблестѣли слезы.

— Мнѣ хотѣлось-бы выйти... сказала Лиза.—Можно?

— А куда вы хотите, барышня?

— Въ садъ. Мнѣ хочется побѣгать. Катя разсмѣялась.

— Устали съ дороги? сказала она.— Такъ идите, бѣгайте тамъ на здоровье! Скажите садовнику Мустафѣ, чтобы онъ нарвалъ вамъ розы!

И она отперла дверь и выпустила Лизу въ садъ.

Почувствовавъ свободу, Лиза въ восхищеніи стала бѣгать по дорожкамъ. Все для нея было ново: и эти невиданныя деревья съ цвѣтами величиною съ большую чайную чашку, и эти розы и далекое море. Пришелъ черномазый турокъ въ красной фескѣ съ кисточкой и остановился по ту сторону желѣзной рѣшотки у воротъ. Въ обѣихъ рукахъ у него по корзинѣ фруктовъ.

Музыкантъ.

Хозяйка.

— Черешни, вишни! кричитъ онъ. —
Абрикосы, свѣжій!

Лизѣ хочется черешень, она не
ѣла ихъ еще ни разу въ жизни, но
денегъ у нея нѣтъ и турокъ прохо-
дитъ мимо.

Затѣмъ появляется горничная Катя.
На ней свѣтлое шелковое платье и бѣ-
лая, кружевная накладка на головѣ. И
еслибы на ней не было передника, то
ее можно было бы принять за госпожу.

Барышня, пожалуйста кофе пить!
зоветъ она Лизу.

Лиза хватается ее подъ руку и обѣ
вмѣстѣ бѣгутъ въ домъ. Горничная
увлекается ея веселостью и тоже
бѣжитъ съ нею бѣгомъ. Въ корридорѣ
она сразу сдерживаетъ себя и ров-
нымъ, сухимъ голосомъ говоритъ:

— Пожалуйста въ столовую. Генера-
льша и барышня Лизавета Пет-
ровна будутъ кушать кофе въ своихъ
постеляхъ.

Лиза со смѣхомъ влетаетъ въ
столовую.

— Въ постеляхъ! восклицаетъ
она. — Да развѣ можно пить кофе въ
постеляхъ?

И, весело засмѣявшись, она сбрасы-
ваетъ съ себя шляпку и садится за
столъ.

— Здравствуй, Лиза! вдругъ слы-
шится позади нея чей-то голосъ.

Она оборачивается и вдругъ къ
ужасу своему видитъ графиню дале-
ко, на другомъ концѣ.

Веселость сразу слетаетъ съ нея
и она чувствуетъ, какъ у нея начи-
наетъ биться сердце.

— Подойди ко мнѣ, говоритъ гра-
финя. — Развѣ ты меня боишься?

Лиза никогда не умѣла лгать.

— Да... отвѣтила она.

— Почему?

— Не знаю...

— Потому и боишься, что не зна-
ешь... сказала графиня и притянула
ее къ себѣ.

Она долго смотрѣла на дѣвочку
и, казалось, хотѣла взглядомъ про-
низать ее насквозь.

— Да, ты на него похожа... ска-
зала она наконецъ. — Только у тебя
волоса не такіе, какъ были у него.
Онъ былъ брюнетъ.

— У меня волосы такіе-же, какъ
у мамы! воскликнула Лиза. — Такіе-
же мягкіе, какъ у нея. Няня говоритъ,
что у кого волосы мягкіе, тотъ добрый
человѣкъ. И моя мама добрая, добрая!

Графиня улыбнулась.

— Ну, садись завтракать, сказала
она. — А когда позавтракаешь, то пой-
демъ, я покажу тебѣ моихъ куръ. Мы
поищемъ у нихъ въ гнѣздахъ яйца. Я
очень люблю искать яйца въ гнѣздахъ.

— И я тоже! обрадовалась Лиза.

Графиня ласково потрепала ее по
щецѣ. Лиза взглянула на нее и теперь
она почему-то не показалась ей уже та-
кою страшною, какою была для нея до
сихъ поръ. Графиня налила ей кофе
и подала ей. Затѣмъ она сама-же на-
мазала ей масла на хлѣбъ и сказала:

— Ъшь на здоровье! Ты дѣвочка,
надо ѣсть побольше, чтобы расти.

Лиза не заставила себя долго про-
сить и принялась за кофе и за хлѣбъ.

Вчера вечеромъ она плохо ѣла и теперь могла съѣсть за двоихъ.

— Тебѣ чего? спросила ее графиня, замѣтивъ, что она чего-то ищетъ глазами на столѣ.

— Можно съѣсть одинъ сухарикъ? робко спросила ее Лиза.

— Можешь скушать хоть цѣлыхъ три.

Лиза взяла два сухарика и съѣла.

— Это хорошо, сказала графиня, — что ты рано встаешь и много ѣшь. Значитъ, ты здорова и вся въ твоего отца. Онъ тоже рано любилъ вставать и много ѣлъ. Прежде воспитывали не такъ, какъ теперь... Ну, что? Кончила?

— Кончила.

— Въ такомъ случаѣ пойдешь.

Обѣ онѣ надѣли соломенные шляпы и пошли. Графиня взяла корзинку для яицъ и онѣ вышли въ садъ. Проходя садомъ, дѣвочка приходила въ восторгъ отъ цвѣтовъ и рѣдкихъ растений и отъ всего, что попадалось ей на пути.

— Да, сказала графиня.—У меня здѣсь хорошо!

А потомъ она помолчала немного, глубоко вздохнула и добавила:

— А все-таки у насъ въ Россіи лучше... Роднѣ какъ-то. Ты помнишь своего папу?

— Да, отвѣтила Лиза.—Онъ часто сажалъ меня къ себѣ на колѣни и рассказывалъ мнѣ сказки.

— Онъ говорилъ тебѣ когда-нибудь обо мнѣ?

— Всегда. Каждый день.

— Что же онъ говорилъ?

— Что вы замѣнили ему его родную мать и что его очень огорчаетъ, что онъ не можетъ васъ видѣть.

Дѣвочка вдругъ умолкла, замѣтивъ, что лобъ графини вдругъ покрылся морщинами. Помолчавъ немного, она прибавила:

— И тогда мама всякій разъ утѣшала его.

Графиня глубоко вздохнула и провела рукою по лбу такъ, точно у нея болѣла голова.

— Ты любишь свою маму? спросила она наконецъ.

— Ужасно. Я думаю о ней каждую минуту.

— Но вѣроятно ты здѣсь о ней скоро позабудешь?

— Никогда! Нашъ маленький домикъ для меня роднѣ всѣхъ замковъ на свѣтѣ и моя мама для меня—все. Безъ нея я не могу жить.

Графиня покачала головой и подумала:—«Дѣти обыкновенно быстро забываютъ старое и привыкаютъ къ новому. И, конечно, и эта дѣвочка—такая-же, какъ и всѣ. Но что-то въ ней есть особенное, что привлекаетъ меня къ ней. Ея откровенность мнѣ нравится и говорить о чистотѣ ея души. Должно быть, ея мать дѣйствительно хорошая женщина, потому что воспитала ее хорошо».

И, думая такъ, она обняла дѣвочку за плечи и такъ и отправилась съ ней на задній дворъ.

М. Б.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖАРКО!

Уфъ какъ жарко!.. Свѣтитъ ярко
Солнышко съ небесъ.
Душно въ домѣ и въ истомѣ
Такъ и тянетъ въ лѣсъ.

Такъ и сталь-бы обливаться
Прямо изъ ведра
Иль въ струяхъ рѣки плескаться
Съ самаго утра!

Стало жарко... Часъ отъ часу
Все теплѣй, душнѣй...
Квасу, няня, дай намъ квасу,
Да похолоднѣй!!

Кузнечикъ.

ГРИШКА.

— Телушка, аль бычокъ? — спросила бабка Пелагея.

— Бычишка, — отвѣтилъ Ѳеодоръ и опустил на полъ, около печки, маленькое существо съ бѣлымъ пятнышкомъ на лбу и съ бѣлымъ носомъ, смотрѣвшее круглыми большими глазами.

Гришутка слѣзъ съ палатей и подскочилъ къ теленку. Боже мой, какая радость! Маленькій беспомощный теленокъ лежалъ, подобравъ подъ себя ножки и уткнувъ мордочку въ землю.

— Бэ-э...—вдругъ замычалъ онъ.— М-м-м...

— Ишь какой голосистый! — сказала Ѳеодоръ.—Ладно, успѣешь...

— Соломки бы подослать ему...— закричала бабка Пелагея. — А по-

года-то... Такъ и мететь, такъ и мететь, а день-то базарный...

— Гринька!—крикнулъ Ѳеодоръ.— Принеси-ка охапку соломы!

Гришутка въ одной рубахѣ, въ валенкахъ, выскочилъ на дворъ и возвратился съ пучкомъ соломы. На плечахъ и на головѣ у него висѣли снѣжинки. Батюшки мои, теленокъ! Никогда этого раньше не бывало!

— Затворяй дверь,—крикнулъ на него Ѳеодоръ.—Что слюни-то распустилъ?

Гришка вернулся, затворилъ дверь и подложилъ подъ теленка солому.

— Какой маленькій... — сказала онъ.—Тятка, гляди: языкомъ въ ноздри достаетъ!

Вошла мамка Ѳедосья съ кувшиномъ и съ тряпкой. Тряпку повѣси-

ла на печь, а кувшинъ надѣла вверхъ дномъ на ухватъ и приткнула къ уголку.

— Къ Василию Сергѣичу сходить бы, муки купить,—вздохнула она,— телянку болтушку сдѣлать, а то молока-то до вечера не будетъ... Ты бы послалъ Гришутку!

Федоръ надѣлъ полушубокъ и пошелъ въ лавочку самъ.

— Погода-то, погода...—закряхтѣла старуха.—Такъ и мететь, такъ и мететь! До Вознесенья-то чай и не дождешь!..

Гришутка склонился надъ телянкомъ, присѣлъ на корточки и долго-долго смотрѣлъ на него. Потомъ погладилъ его.

— Мамка! — воскликнулъ онъ. — Какой чудной!

И засмѣялся.

Пришелъ изъ лавки отецъ съ мукою, мать наболтала ее въ водѣ, вложила въ миску кулакъ, оттопыривъ одинъ палець, и сунула этотъ палець въ ротъ телянку. Онъ схватилъ его и зачмокалъ, потянувъ въ себя и болтушку.

— Мамка, дай я, — сказалъ Гришутка.

Онъ тоже оттопырилъ палець и телянокъ и его палець забралъ къ себѣ въ ротъ и засосалъ.

Запищаль младенець въ люлькѣ. Федосья подошла къ ребенку и, захвативъ въ ротъ муки, сдѣлала изъ нея тѣсто, втиснула его ребенку въ ротъ и положила ребенка на преж-

нее мѣсто. Онъ попищаль немного и умолкъ.

Затѣмъ обѣдали чернымъ хлѣбомъ, кислымъ молокомъ и сѣрой кислой капустой, причемъ всѣ слѣдили другъ за другомъ, какъ-бы кто-нибудь не съѣлъ больше. Потомъ отъ нечего дѣлать спали долго. Часовъ въ семь ужинали. Огня не зажигали весь вечеръ и опять рано улеглись всѣ спать. Всю ночь ребенокъ громко кричалъ, такъ что Федосья часто вынимала его изъ люльки и качала на колѣняхъ, причемъ сама крѣпко спала сидя. Раза три среди ночи Гришка просыпался, подходилъ къ телянку и гладилъ его.

Боже мой, какое счастье!

И ему хотѣлось взять телянка къ себѣ на полати и уложить его рядомъ съ собою.

Утромъ проснулись рано и пили чай при лампочкѣ. Пили долго, громко хлѣбая изъ блюдечекъ, пока не разсвѣло окончательно. Федосья подоила корову и разлила молоко по крынкамъ. Затѣмъ топили печь и ставили хлѣбы. Пекла хлѣбы старуха. Обѣдали молокомъ, въ которое накрошили горячаго чернаго хлѣба. Но большую часть удоя и большее количество муки выпоили на телянка. И Гришкѣ показалось страннымъ, почему именно его, Гришку, всегда считывали въ ѣдѣ, а для телянка ничего не жалѣли. И въ его дѣтскомъ умѣ сложилось крѣпкое убѣжденіе, что и для всей его семьи новый ея членъ, телянокъ, предста-

влялъ такую же огромную величину, какъ и для него самого. Не жалѣй, Оедосья, — сказала жень Оедоръ. — Пущай Гринька поить теленка... Такъ все время и пусть себѣ сосеть!

И для Гришки наступила новая пора. Въ скукѣ и однообразіи деревенской жизни, цѣликомъ сложенной изъ заботъ о кускѣ хлѣба и изъ разныхъ злыдней, судьба послала ему развлеченіе. Теперь цѣлые дни стали вдругъ для него наполненными. Онъ кормил теленка, убиралъ за нимъ солому, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Гришкѣ было уже девять лѣтъ, маленькому его братишкѣ минулъ всего только пятый мѣсяцъ и въ этотъ промежутокъ, въ который перемерло много его сестеръ и братьевъ, онъ былъ совершенно одинокъ. Жили они въ выселкахъ, состоящихъ всего изъ трехъ дворовъ, но дѣти его возраста и старше его уже были отвезены въ городъ въ услуженіе, и оставались только одни младенцы да дѣвчонки, съ которыми у него было очень мало общаго. И когда въ ихъ избѣ появился вдругъ теленокъ, то жизнь Гришутки сразу перемѣнилась: въ этомъ маленькомъ представителѣ будущаго жаркого онъ увидѣлъ что-то близкое, родное, что-то замѣнившее ему и сверстниковъ и брата. И теперь, когда подраставшій подъ его присмотромъ теленокъ, привязанный веревочкой къ стѣнѣ, въ избыткѣ радости жизни дѣлалъ тѣ прыжки, которые принято назы-

вать проявленіемъ телячьего восторга, съ нимъ вмѣстѣ дѣлалъ ихъ и Гришутка и уже не замѣчалъ ни того, какъ кряхтѣла старуха Пелагея, ни того, какъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ непрерывно плакалъ въ люлькѣ младенецъ.

— Это его сглазили навѣрное, — вздыхала Оедосья и совала ему въ ротъ жованнаго чернаго хлѣба. — Шш... шш... шш... Спи, мой махонькій!

Черезъ четыре недѣли случилось нѣчто неожиданное. Отецъ запрягъ розвальни, одѣлся и, поваливъ на полъ теленка, связалъ ему ноги — заднія къ переднимъ и каждую пару вмѣстѣ. Затѣмъ, взявъ его на руки, бочкомъ повалилъ его въ сани. Теленокъ мычалъ, и изъ хлѣва жалостно вторила ему корова. Гришутку такъ это поразило, что у него забилося сердце и навернулись слезы.

— Тятка, что ты дѣлаешь? — спросилъ онъ отца. — Куда ты его?

— Извѣстно куда, — отвѣтилъ Оедоръ. — Въ городъ...

— А какъ же я-то?

— Да и ты тоже. . Поди одѣвайся живѣе! Что зря-то хлѣбъ жевать?

Пришла съ сосѣдняго двора Акулина, пришелъ крестненькій Яковъ Власычъ. Сѣли за столъ, уже одѣтые, пить чай и пили его долго. Тѣмъ временемъ теленокъ лежалъ на боку, свѣсивъ отекающую голову съ саней и все время ему вторила изъ хлѣва корова.

То же мать, вѣдь... Мычить, сказала Акулина.—Всякому свое дитѣ жалко!

Пелагея погладила по головѣ Гришку и онъ заплакалъ.

— Въ городъ, стало быть,—заговорилъ крестный.—Въ услуженіе.. Такъ, такъ, это самое... Пора... Только вотъ что я тебѣ, Федя, скажу.. Въ городъ-то рубли, стало-быть, съ колесо, а пока до насъ докатятся-то, рубли-то, такъ съ серебряный пяточокъ обтираются... Эхъ-ма-хма! Ты же по какой части Гришку отдать хочешь?

— По мясной...

— По мясной части—дѣло хорошее... Теперь, какъ господа стали въ постъ скоромное ѣсть, такъ ничего. Торговать можно...

Стали собираться. Потные отъ горячаго чая, всѣ вышли на дворъ и стали прощаться. Гришка, весь въ слезахъ, съ маленькимъ узелочкомъ, въ который Федосья сунула ему на дорогу чернаго хлѣба и два кусочка обгрызаннаго сахару, долго еще вертѣлся около саней, не зная, какъ бы сѣсть такъ, чтобы не примять теленка, а Федоръ грузно ввалился въ сани, точно въ нихъ лежало не живое существо, а кулъ соломы.

Поѣхали. Было снѣжно и полозья скользили по глубокимъ слѣдамъ, такъ что голова теленка волочилась прямо по снѣгу. Гришка смотрѣлъ на него, на сѣрое небо, на грустныя березки, попадавшіяся на пути, и на одинокія вешки, которыя еще осенью

разставлялъ вдоль дороги староста Аѳанасій, и никакъ не могъ понять, что отецъ хочетъ съ нимъ дѣлать? Онъ зналъ, что каждаго мальчика отвозятъ въ городъ въ услуженіе но почему это такъ сразу, неожиданно, стряслось надъ нимъ и надъ теленкомъ, онъ не могъ себѣ объяснить. Заржавленные двѣ копѣйки, которыя сунуль ему въ руку при прощаньи крестненькій на гостинцы, утомили его кулакъ, дѣты ихъ было некуда, онъ положилъ ихъ себѣ въ ротъ и заплакалъ.

— Э, дура! — заворчалъ на него Федоръ.—Ослецъ этакій! Реветь, словно баба какая!

Подѣхали къ трактиру. Около него стояло нѣсколько подводъ и возчики громко кричали. Лошади громыхали бубенцами, такъ что издали было похоже на то, будто ведутъ арестантовъ. Федоръ вошелъ въ трактиръ, помолился, взялъ у Гришки его двѣ копѣйки, приложилъ свои три, они выпили на нихъ чаю безъ хлѣба и поѣхали дальше. Теленокъ хотѣлъ пить и лежалъ, высунувъ длинный розовый языкъ, и когда его морда бороздила по снѣгу, онъ жадно облизывался. Стало смеркаться...

— Тятка, куда ты везешь теленка?—спросилъ наконецъ Гришка.

— На бойню...

— А что тамъ съ нимъ сдѣлаютъ?

— Убьютъ на мясо...

— А кто станетъ ѣсть?

— Извѣстно кто!.. Господа!

— Не достанетъ! Глубоко!

Незлюбивья создашія.

А въ избѣ у Оедора, на стѣнѣ, была приклеена лубочная картинка. На ней былъ изображенъ экипажъ, въ экипажѣ сидѣла барыня съ собачкой на колѣнкахъ и баринъ въ высокой шляпѣ, похожей на ведро. У барыни была желтенькая бородка, а у барыни розовый зонтикъ. Внизу стояла подпись: «На Крестовскомъ острову, видъ хорошій на Неву и изъ города туда любятъ ѣздить господа». И въ воображеніи Гришки предстали эти господинъ съ дамой и ухмыляясь смотрѣли на него и говорили: «Ага, вотъ мы завтра съѣдимъ твоего теленка! Завтра его для насъ зарѣжутъ и мы скушаемъ его, потому что онъ молоденькій, вкусный, и потому, что у насъ есть деньги».

Поздно вечеромъ пріѣхали въ городъ. Сквозь сонъ Гришка увидалъ большіе дома, запертые магазины, горѣвшіе фонари и слышалъ колотушки ночныхъ сторожей. Лошадь еле плелась шагомъ, виляя изъ стороны въ сторону; на встрѣчу попадались извозчики съ сѣдоками и Оедоръ не зналъ, какъ избѣжать съ ними столкновения и нескладно дергалъ возжами.

Остановились у какого-то свата. Лошадь распрягли, напоили и дали ей сѣна, но теленка даже не переложили на другой бокъ и такъ его и оставили лежать до утра. Гришка хотѣлъ было за него заступиться, но дремота и усталость сломили его и онъ едва-едва добрался до теплой печки и заснулъ. Во снѣ ему

видѣлись ножи, телята, баринъ въ цилиндрѣ и барыня подъ розовымъ зонтикомъ, кипѣли для чего-то котлы кипучіе. Баринъ оскалилъ на него зубы и сказалъ ему: «А вотъ я твоего теленка съѣмъ!»

Часа въ три утра, когда было еще темно, Гришку разбудили. Было темно, холодно и сыро, такъ какъ за ночь пошелъ мокрый снѣгъ. Фонари были уже погашены и только гдѣ-то впереди мерцали огоньки. Доносились шипѣніе пара и мычаніе скота. Скоро подѣхали къ бойнѣ. Оедоръ оставилъ Гришку одного, а самъ соскочилъ съ саней и скрылся куда-то. Подѣзжали какіе-то люди, должно быть купцы и мясники, и тоже скрывались за воротами. Темнота, рѣзкій вѣтеръ, жалобное тягучее мычанье скота и шипѣніе пара гдѣ-то сбоку произвели на Гришку очень тяжелое впечатлѣніе. Онъ обнялъ теленка и сталъ плакать.

Вышелъ отецъ, взвалилъ теленка на плечи, и снова скрылся съ нимъ за воротами бойни.

И съ этого момента Гришка уже разстался съ теленкомъ навсегда; онъ пересталъ плакать и только угрюмо озирался по сторонамъ. Явная несправедливость къ беззащитнымъ животнымъ огорошила его, и его дѣтской душѣ это оказалось не под силу. Онъ ходилъ, какъ потерянный около своихъ лошади и саней и уже ничего не понималъ изъ того, что вокругъ него происходило. Точно

въ полуснѣ ходилъ онъ взадъ и впередъ и когда снова появился его отецъ уже съ какимъ-то купцомъ, поздравлялъ его и униженно, снявши шапку и низко кланяясь, подвелъ его къ этому толстому челоуѣку, то Гришка подошелъ къ нему вполне равнодушно, точно вовсе не о немъ шла и рѣчь.

— Сдѣлайте такую милость, Назаръ Никитичъ... кланялся отецъ. — Не оставьте. Возьмите въ услуженіе моего Гришутку... Явите божескую милость!

Гришку посадили на возъ съ мясомъ и повезли въ городъ къ мяснику Назару Никитичу. Начинало свѣтать. Теперь уже можно было ясно увидѣть и городъ, и голубей на крышахъ, но Гришка уже не интересовался ими. Онъ старался примириться со своимъ положеніемъ и забыть о томъ, что произошло.

Возы остановились около открытой уже мясной лавки Назара Никитича. Молодцы стали вносить на себѣ въ лавку мясныя туши и разрубать ихъ на части, причемъ Гришка такъ и казалось, что вотъ-вотъ ему сейчасъ отхватятъ вмѣстѣ съ мясомъ руку или ударятъ топоромъ по головѣ, а хозяинъ поздравлялъ его къ себѣ и сказалъ ему:

— Вотъ смотри и приучайся! А пока стань у двери и стой тамъ, пока тебя не позовутъ!

Гришка отошелъ къ двери и сталъ ожидать той минуты, когда мимо ихъ лавки пройдутъ тотъ баринъ въ цилиндрѣ и та барыня съ розовымъ зонтикомъ и съ собачкой на поводнѣхъ, которые висятъ у нихъ въ двернѣ на стѣнѣ и для которыхъ онъ лишился своего единственнаго, близкаго друга.

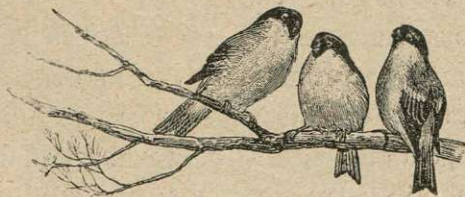
Ужъ и задастъ же онъ имъ!

А въ это время хлопьями валился крупный снѣгъ и таялъ. Было грязно, пахло мясомъ и ходили какіе-то чужіе люди, которымъ не было равно никакого дѣла ни до Гришки, ни до его маленькаго, незамѣтнаго горя.

И его вдругъ неудержимо потянуло къ себѣ домой, въ деревню, гдѣ теперь бѣлый снѣгъ, гдѣ передъ избою бѣгаютъ неуклюжія вордны и на деревьяхъ прыгаютъ голубенькія синички и воробы. Но отецъ его уже былъ далеко, теленка не было въ живыхъ, а впереди предстояло безнадежное, однообразное стояніе у двери, пока онъ не привыкнетъ и не загрузѣетъ такъ-же, какъ и эти мясники.

Деревня, гдѣ ты?

М. Ч.

ПОЧЕМУ И ПОТОМУ.

Простые отвѣты на мудреные вопросы.

Почему въ морѣ вода соленая?

Море не было-бы соленымъ, если-бы въ него не несли соль рѣки. Протекая черезъ страны, рѣки смѣшиваютъ свою воду съ разными солями, попадающимися имъ на пути, и вливаютъ ее въ море. Рѣчная вода, слѣдовательно, тоже соленая, но въ такой незначительной степени, что мы этого не замѣчаемъ. Морская-же вода кажется намъ такой соленой потому, что содержитъ въ себѣ всю соль, какую только могли влить рѣки въ море за все время существованія земли, т. е. съ самаго сотворенія міра. Самая обычная соль въ морѣ—это поваренная, т. е. та, которую мы ѣдимъ за столомъ. Но есть еще и другія соли, которыхъ мы не ѣдимъ. Если эти соли смѣшать съ поваренной солью, то послѣдняя становится еще солонѣе. Такія другія соли, попавъ въ море вмѣстѣ съ поваренной, слѣдали море такимъ соленымъ, что воду изъ него пить нельзя.

Почему соль заставляетъ насъ испытывать жажду?

Въ нашемъ тѣлѣ течетъ кровь и въ ней есть простая поваренная соль. Кровь необходима для согрѣванія нашего тѣла и для питанія его. Согрѣвая и питая его, она расходуетъ, какъ дрова и уголь расхо-

дуются, согрѣвая наше жилище. Количество поваренной соли въ нашей крови соотвѣтственно такое-же, какъ и въ морской водѣ. Это значитъ, что наша кровь такъ-же должна быть солонѣе, какъ и морская вода. Когда кровь расходуетъ, то вмѣстѣ съ нею расходуетъ на тѣло и содержащаяся въ ней соль. Вотъ почему мы почти во всѣ наши кушанья кладемъ соль и въ такомъ количествѣ, сколько требуетъ нашъ вкусъ, а вкусъ требуетъ соли столько, сколько ея нужно, чтобы кровь была такая-же соленая, какъ и морская вода. Но если мы скушаемъ соли больше, чѣмъ нужно, напр. покушаемъ селедки или икры, то кровь тотчасъ-же дѣлается солонѣе, чѣмъ морская вода, и мы начинаемъ чувствовать жажду. Тогда мы пьемъ воду. Кровь смѣшивается съ водой и становится жиже. Соль растворяется въ ней и опять кровь становится такою-же, какъ и была. Какъ только кровь стала такою-же, какъ и была, мы тотчасъ-же чувствуемъ, что наша жажда удовлетворена и перестаемъ уже хотѣть пить.

Почему голубь находитъ дорогу домой?

Этотъ вопросъ интересовалъ людей еще съ незапамятныхъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему голубь находитъ дорогу домой, какъ-бы далеко вы его

Бегемотъ съ дѣтенышемъ.

ни увезли? Вы сажаете его въ корзину, со всѣхъ сторонъ закрываете въ тряпку, садитесь въ вагонъ, ставите корзину съ голубемъ подъ лавку, проѣзжаете въ вагонѣ 300—500 верстъ и затѣмъ выпускаете голубя на свободу. Онъ поднимается кверху и тотчасъ-же улетаетъ домой. Проходитъ день-другой—и онъ снова появляется у себя на родинѣ и важно сидитъ на своей голубятнѣ. Какъ онъ узнаетъ дорогу?

Многие думали, что онъ находитъ свою дорогу, благодаря своему изумительному зрѣнію. Когда онъ взлетаетъ высоко на воздухъ, то онъ видитъ землю на далекое пространство кругомъ и узнаетъ мѣстность. Дѣйствительно, голубь иногда поступаетъ такъ: онъ поднимается высоко надъ землею, приглядывается къ мѣстности и затѣмъ, узнавъ ее, стрѣлою отправляется въ путь. Но это не всегда такъ бываетъ: часто голуби ошибаются; молодые голуби не всегда бываютъ такъ умны, какъ старыя,

они плохо запоминаютъ мѣстность и потому, прежде чѣмъ долетѣть до своего жилища, часто они подолгу блуждаютъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что и у голубей, какъ и у человѣка, очень развита память. Но не памятью руководствуется голубь, когда летитъ къ себѣ домой. Какая ужъ тутъ память, если его цѣлые сутки везли въ корзинкѣ подъ лавкой вагона? Ясно, что есть какая-то другая, неизвѣстная намъ, сила, которая заставляетъ голубя летѣть домой. Этой силы въ голубѣ еще не опредѣлили никто и никто не можетъ рѣшить, изъ чего она состоитъ. Ее принято называть «чувствомъ направленія». Итакъ, голубь находитъ дорогу домой благодаря своему удивительно-развитому зрѣнію, благодаря способности надолго запоминать мѣстность и благодаря неизвѣстной для насъ силѣ, которая руководитъ имъ и тянетъ его домой, гдѣ-бы онъ не находился, и которую принято называть «чувствомъ направленія».

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ пищевыхъ продуктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Имя Софія дается дѣвочкамъ очень часто.

2) На дачѣ у зрителя тина весь прудъ затянула.

3) Этотъ окорокъ долженъ быть солонъ, иначе его ѣсть никто не станетъ.

4) Твое ружье можетъ заржавѣть; я его въ чехлѣ бѣ держалъ!

5) Кажется, дорога уже суха; рискнемъ по ней проѣхать!

6) Дремлетъ нашъ котъ; летаетъ около него птичка; какъ-бы онъ ее не съѣлъ!

и 7) Пронесся ураганъ; деревья и дома сломало вѣтромъ и многіе люди остались безъ крова.

8) Заболѣлъ нашъ Егоръ; охаетъ и стонетъ, такъ что тяжело даже слушать.

9) Клюква съ сахаромъ—одно изъ нашихъ сѣверныхъ лакомствъ.

10) Сидитъ мужикъ на бугрѣ, чихаетъ да утирается; видно онъ простудился.

II.

Задуманы три слова:

- 1) Домашнее животное (три слога).
- 2) Птица (три слога).
- 3) Дерево (три слога).

Первый слогъ перваго слова, второй второго и третій третьяго должны составить собою то, что имѣютъ короли. То-же самое слово составятъ и первые два слога перваго слова съ послѣднимъ второго.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Задуманы слова, означающія:

- 1) Науку, преподаваемую въ младшихъ классахъ.
- 2) Домашняго грызуна.
- 3) Имя покорителя Сибири.
- 4) Полевой цвѣтокъ.
- 5) Очень вкусную закуску.
- 6) Домашнюю птицу.
- 7) Первую книжку школьника.

Первыя буквы всѣхъ этихъ словъ должны составить собою новое слово, которое означаетъ названіе страны, открытой въ концѣ XV вѣка.

Рѣшенія головоломки, ребусовъ и проч. помѣщенныхъ въ №№ 10 и 11 «Золотого Дѣтства»:

Изъ № 10: Шарада: тюль + панъ = тюльпанъ.

Головоломки: 1) Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звѣзды блещутъ. II. Всѣхъ было трое: дѣдъ, отецъ и сынъ; дѣдъ и отецъ—это два отца; отецъ и сынъ—это два сына; а дѣдъ и сынъ его сына—это дѣдушка и внучекъ. Каждый съѣлъ по два яйца, всего, слѣдовательно, они съѣли шесть яицъ. III. Ведра воды ходить не могутъ, а потому и въ бочку не войдутъ.

Изъ № 11. Головоломки: I. РюМка, брОвь, доСка, куКла, сиВка, трАва = Москва.

II. ...ти + гр (тигръ), ...коро + ва (корова), ...со + бака (собака), ...кошка, ...кры + са (крыса), ...зая + ц (заяцъ), ...о + сель (осель), ...баръ + сук (барсукъ), ...слонъ, ...но + соръ + ог (носорогъ).

III. ...ли + мон (лимонъ), ...гру + ша (груша), ...ды + ня (дыня), ...арбу + з (арбузъ), ...мали + на (малина), клубни + ка (клубника), а + на + насъ (ананасъ), ...черъ + ника (черника), ...сли + ва (слива), ...ты + ква (тыква).

IV. Клинь.

Ариомографы: I. Катеръ, лава, терка, терновникъ, осель, театръ = Екатеринославъ. II. Тополь, лось, осина, лапти, локоть, нитка, носилки = Константинополь.

Върнула рѣшенія прислали: Ваня Ивановъ изъ Харьковѣ, Сережа Дѣдинъ, Коля Горностаевъ, Женя Дмитріева, Ваня Кондратьевъ въ Спб., Кроня Озеровъ въ Спб., Юра Матвѣевъ изъ Кронштадта, Виля Кальмановичъ, Жанна Менье изъ Ялты, Сережа Мухановъ въ Спб., Ваня Листратовъ изъ Бронницъ, Сеня Арцыбашевъ, Василій Ангелъ изъ Кишинева, Ваня Васильевъ въ Спб., Петя Королевъ, Милочка Карнѣева въ Спб., Митя Заксъ въ Спб., Коля Хорошевъ, Петя и Тамара Саплицъ, Яна Шефтель, Миша Уконинъ, Тетя, Миля и Валя Герасимовы, Сеня Рабиновичъ, Петя Жуковъ, Петя Степновъ, въ Спб., Ваня Климовскій, Петръ Шестаковъ въ Москвѣ, Ольга и Кира Будиловичъ, Петя Блокъ, Саша Авилловъ, Гриша Лаханинъ, Вальтеръ Кохъ, Женя Сыровъ, Надя и Вѣра Клугенъ изъ Кіева, Семень Гавриловъ, Кока Масумовъ изъ Астрахани, Петя Вильде, Оеда Татариневъ, Юра Губинъ, Вася Птицинъ, Катя Страхова, Витя Фаленковъ изъ Рыбинска, кто-то безъ подписи, еще кто-то безъ подписи изъ Москвы, Иванъ Троицкій въ Спб., Надя Полякова въ Спб., Коля Ефимовъ изъ Харькова, Нинуша Пыхтѣва, Валя Васильева и Мари Хонина въ Спб., Галя и Нина Ходжаевы изъ Ростова на Дону, Лѣля Алейникова, Женя Прокоповичъ, Лиза Громова изъ Васильковъ, Паля Сергіева изъ Бѣлаго, Настя Бекмамъ изъ Кіева, Оеда Шмидтъ изъ Харькова, Лѣля Манохина изъ Вятки, Lydie Smirnoff изъ Флоренці (Италія), Нина

Клинге, Валя Хвольсонъ, Оля Катериничъ—ученица пансіона Макаровой въ Кіевѣ, Люля Яновская, Оля и Марина Петровы, Митя Псіоль и Вова Грамматикати изъ Сумъ, Александръ Гончаровъ, Сонечка Каменская, Миша Казариновъ, Людмила Добровольская изъ м. Лоевъ Минск. губ., Надя Заблоцкая, Олечка Крылова Зоя Хижникова изъ Гатчины, С. Шераношеръ въ Спб., Аля Бережникова, Миша Березинъ, Оля Енакіева изъ Спб., Варя Зарѣцкая, Петръ Чистяковъ, Шура Габриловичъ, Жоржикъ Моссъ, Павелъ Шелеховъ въ Спб., Маруся Калининна, Катя, Шура, Аня Радченко, Пава Турба и Ваня Морозовъ изъ Волчанска, Лида, Тоня, Шура и Леня Добромировы изъ Саратова, Шета Мякишева изъ Севастополя, Оля Жданко изъ Владивостока, Зиночка Синани изъ Харьковѣ, Ольга Саламатина изъ Ставрополя на Кавказѣ, Лиля Коженевская изъ Новочеркасска, Варя Кузнецова изъ Харькова, Валчикъ изъ Одессы. Нина Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Маруся Шапиро изъ Таурогена, Шура, Тася и Митя Кислицины, Ксенія Семенова изъ Самары, Люся и Витя Стракановы изъ Ростова-на-Дону, Алеша Смѣкаловъ изъ Бахмута, Наташа Вѣлоножкина, Нина Симонова изъ Гомеля, Муся Розова изъ Кіева, Геня Моронскій, Володя, Лина и Шура Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, Б. Серебренниковъ изъ Ташкента, Борисъ Лецкій изъ Вознесенска, Юра и Оля Губины.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз. За пересылку по разстоянію.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

С. П. ПЕТРОВ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1950

1000 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1950

1000 экз.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.